

Глава из первой части книги Ярушина «Судьба по имени Ариэль»

1970 год (начало), «Ой мороз, мороз»

В «Аллегро» я задышался от недостатка профессиональных музыкантов, поэтому, как глоток свежего воздуха, ощутил приход Геппа. Удачным маневром был в то время контакт с директором дворца спорта «Юность» и обслуживание танцевальных вечеров на договорной основе. Однажды на репетицию пришел симпатичный кудрявый мальчик, встал в сторонке. Ну, думаю, поклонник, пускай посидит, послушает. Сам был настолько занят музыкальными разборками, что забыл о его существовании. Так он ушел ни с чем...

Потом узнал, что Люська — ионюська привела на репетицию поющего барабанщика, только что поступившего в институт культуры, родом из Оренбурга. На следующей репетиции я исправил свою оплошность, и позволил красавчику сесть за барабаны. То, что он вытворял на «бочках» — впечатляло! Хотя, голова с кудрями летала впереди рук!... Потом он взял в руки скрипку, потом спел... Короче, я просто обалдел! Так произошло удачное приобретение Бориса Каплуна.

В институте все шло к разлуке. Нахватав кучу пропусков, я безболезненно принял очередную отставку от Давида Борисовича. (Благо дело — военная карьера из-за плохого зрения мне не грозила). По-прежнему маячила светлая мечта — питерские берега, куда я вскоре и отправился. На этот раз, вроде, и документы были в порядке, и сыграл на экзамене неплохо, но, увы, опять неудача! В приемной комиссии дали понять, мол, зря вы сюда мотаетесь — у вас же там Свердловск под носом...

Видимо, в человеке заложено от природы — в радости или в горести совершать авантюрные поступки. Вот и тогда свое непоступление в «консу» я отметил ... первой в жизни сигаретой. Прогуливаясь по Невскому проспекту, заглянул в табачный киоск и подумал: «С чего бы начать? Слышал, что кубинцы делают ароматный табак... » Взгляд остановился на пестрой пачке. «Партагаз» — отчеканил я и небрежно кинул рублёвку продавцу. Тот, почему-то, смерил меня взглядом, но сигареты дал. Вышел на улицу, затянулся и... Вдруг почва куда-то поехала вперед, в глазах появились радужные круги, в глотку будто плеснули кипятком!... Я схватился за стенку и в позе Гитлера простоял минуты три... Какой-то мужик подхватил меня: «Ты че, первый раз, что ли?» — «А что, заметно?» — голосом Джигарханяна прохрипел я... «Да уж, конечно!» — посмотрел на пачку и изрек: «Ну, ты и даешь! Я этим табаком тараканов морю. Если хочешь начать, вон, видишь, собачка нарисована — “Друг” называется. Сначала “подружись”, а потом уж за сига-ры.. .»

«Дружок» после «атомных» провалился в кайф! Так, незаметно, у меня разошлась первая пачка... .

В этот день у меня случилось еще одно важное событие — я попал на концерт «Скальдов»! Тогда их популярность, как впрочем, и их земляков — «Червоных гитар» была сумасшедшей. Это были представители славянского бита. Так как в то время в СССР вообще не пускали западные группы, то поляки для нас были «выше крыши»! Чудом раздобыл билет в «Гостином дворе», и вот, сижу в «Октябрьском», за закрытым занавесом, трепетно жду... . И вот открывается сцена и со словами: «Расступитесь, люди, почтальон к вам едет!...» на всех обрушивается лавина мощнейшего звука, доселе мной не ощущаемого! Стоят длинноволосые мужички в клешах, сзади двухэтажные колонки, от «Фендеров» — витые шнуры... Сбоку — орган «Хаммонд» с механически крутящимся эффектом «Лесли», звук которого обволакивает и звучит аж снизу, в кресле! Через полтора часа при сердечном пульсе 150 я понял: вот оно — мое, я тоже так хочу!

Покидал Питер со смешанным чувством: горечь поражения в консерватории, пачка сигарет в кармане и жажда играть новую, красивую музыку!

И это желание стало материализоваться в октябре 1970 года, в маленьком челябинском кафе «Юность». Комсомольские власти города решили проявить инициативу. Был задуман

конкурс 3-х ведущих ансамблей города: «Ариэль», «Аллегро» и «Пилигримы». Последние вдруг отказались и получился, своего рода, «музыкальный ринг». Жюри под председательством моего старого знакомого режиссера Леонила Пивера с «веселыми» бутылочками сидело в уголке и улыбалось в предвкушении... . Было тесновато, сцены, как таковой, не было. У поющих можно было разглядеть пломбы в зубах, а гитарные грифы опасно маневрировали у судейских носов... Учитывая присутствие власти я, естественно «напихал» в программу несколько «ободзинских» хитов и что-то гражданское, что-то наивное, но свое! Потом вышел «Ариэль». Прибавили громкость и, под визги собственных поклонников, гордо удалились, посчитав, что первое место у них в кармане. Но жюри вынесло неожиданное решение: победитель — «Аллегро», а «Ариэлю» — торт, как приз зрительских симпатий. Дальше пошла рядовая пьянка, в разгар которой ко мне подсел барабанщик Витя Колесников: «Слушай, есть дельное предложение: давай соберем «сливки» из музыкантов города, сделаем одну сильную команду, но оставим красивое название «Ариэль». Видимо, предвидя мой вопрос, сразу отрезал: «Руководитель — ты!»

Позже я узнал, что это было неоднозначное решение. Фидельману не хотелось покидать свой пост, поначалу они пригласили Каплуна, но тот сказал, что без меня не пойдет.. (у нас с ним тогда было что-то вроде мушкетерской клятвы). Как бы там ни было, я почти сразу согласился. Конечно, тяжело было расставаться с «аллегрятами», тем более, что у меня в составе был уже крепкий профессионал Гепп. Но как-то от него услышал, что вот-вот «загребит» в армию, и я понял, что Стасик — «отрезанный ломоть».

Окончательный расклад был такой: Ярушин — бас, руководитель, Фидельман пересядет на клавиши, Гуров — гитара — ритм, Слепухин — гитара — соло, барабаны — Витя Колесников, а Боря — на скрипке (иногда — за барабаны!) Ударили по рукам и назначили «обмыв» сего события у Фенделя (в смысле — Фидельмана...). Приближалось 7 ноября — государственный праздник для всех советских граждан. И мы решили приурочить к этой дате и наш день — пусть будет двойной праздник! Забегая вперед, скажу, что очень долго эта знаковая дата была для нас почти священной! Существовал даже негласный закон — справлять день рождения ансамбля только

в своем кругу с подругами или женами, и нам это удавалось!

Итак, Левина квартира, первые тосты, первые речи, и под хмельком сразу — за фортепиано. Первые споры — что исполнять? Я «завелся» на тему: только свое! Лева Гуров сразу меня «обломал»: мол, ты пока не суйся, будешь делать то, что мы захотим... Обижаться не было смысла — довлел авторитет Гурова, «понтяра» Слепухина, опыт Фенделя — кругом такие «монстры», что я заткнулся... Хозяин сел за фортепиано но и первая песня, которая была выучена сходу, называлась «Утром солнце светит нам», музыка группы «Тремолос», слова Гурова. Весёленькая песнюшка на трех аккордах, вокал сразу зазвучал мощно! В это время меня посетил приступ какого-то безудержного веселья... Тут же в голове радужные перспективы: вот мы — в Москве, цветы, девчонки, а вот Ливерпуль!... За кулисами — Джон Леннон жмет мне руку и на чисто русском произносит: «Хоро-шо!» Подбегают английские «мисски», тискают меня, хлопают по плечу, трясут...

Просыпаюсь... Это трясет меня Боря Каплун, лежу на тахте, в одежде. С его вопросом: «Слушай, а мы вчера что, все пиво выпили?...» — медленно опускаюсь на землю... .

Первые репетиции прошли на старой базе «Ариэля», в красном уголке областной больницы. Помню худрука — старую добрую бабушку Юю Николаевну — нашу «нянечку»... Ни на одну из первых репетиций почему-то не пришел идейный организатор всего этого «безобразия» Витя Колесников. Что там у него произошло, не знаю, но Каплун, усевшись за барабаны так «намертво» и «приклеился!»

На удивление мы с Борей быстро освоились, влились в их бит-ауру, и уже через две недели был объявлен часовой концерт в ЧПИ (политетехе).

За несколько часов до выступления подходы к концертному залу напоминали гудящий улей. Ажиотаж невероятный! Об аппаратуре хотелось бы сказать особо. Местные радисты-кулибины создали по бокам сцены нагромождения, напоминающие баррикады Парижской коммуны, собранные из КИНАПовских колонок, снятых с киноэкрана. Мне сказали, что там целых 200 ватт (!) Массивные микрофоны были такие тяжелые, что стойки под их весом периодически падали... Так мы их и прозвали: «ломовые» (от слова ЛОМО). Гитарам, ГДРовским «Музимам», годились неприхотливые динамики любого калибра, поэтому

кто-то притащил для их озвучки колокол со стадиона... . А вот у меня, на басу стояло невиданное чудовище, последнее слово советской техники — «Электрон»! Он напоминал военный радиоприемник, поставленный набор на три черные деревянные ножки и «изрыгал» аж 10 ватт!!! Но самым интересным в этом аппарате был глазок на передней панели. Когда шел перегруз (а он шел все время) — огонек загорался и мигал, что приводило в неописуемый восторг толпы. Это была — цветомузыка!!!

Концерт задержали на полчаса. Этого было достаточно, чтобы затрещали двери, и неуправляемая публика кинулась к, пока еще целым, креслам...

Выйдя на сцену, мы поняли, что мощности нашей аппаратуры явно не хватает, даже для того, чтобы хотя бы поймать тональность... Ревущая толпа видела, что мы машем руками, и вроде бы играем, но юношеский темперамент перечеркивал все понятия о правилах поведения в храмах искусства. Единственно, когда зал замолкал — во время звучания чудных лирических песен. Это были «Лаура» Левы Ратнера и «Скажи, ты счастлив с ней?» Фидельмана с текстами Гурова. А, сидящий за барабанами, и одновременно играющий на скрипке Каплун, оставлял в девичих гарнитурах мокрые восторги...

На концерте, в основном, звучала музыка западных групп: «Тремолос». «Манкиз», «Битлз», «Червоных гитар». Во время исполнения песни «Привидение» на словах: «Раздался жуткий крик, и свет вокруг погас!...» — местные электрики, желая нам помочь, поняли это буквально и, щелкая рубильником, доводили публику до очередной экзальтации!... При этом они вырубали и нашу аппаратуру, но за шумом и гамом это было незаметно... После этого часового «сумасшедствия» в проходах валялись обломки нескольких стульев. Начальство института было в бешенстве, но предъявлять нам счет не стали. Так проходило большинство «подпольных» концертов того времени. Конечно, такая популярность была приятна. Но меня не покидала мысль, что это все до поры — до времени, надо делать что-то свое. Нужна была солидная база, больница — это не серьезно. В декабре переселяемся во дворец железнодорожников. Как раз накануне конкурса «Алло, мы ищем таланты», на который я уже «глаз положил». Директриса дворца, интеллигентная, дама в годах, Рива Яковлевна Червоная сразу поставила главное условие: не называть ансамбль «Ариэлем», во всяком случае —

пока... , дабы не усложнять отношения с партийными органами. Пришлось подчиниться. Теперь вставал главный вопрос: с чем выходить на конкурс? Исполнить западные песни нам не разрешат в принципе, а петь советскую «лабуду» сами не хотим. Тут же предлагаю две русские народные: «Ой, мороз, мороз» и «Ничто в полюшке не колышется». Оба гитариста прыснули со смеху...

Надо сказать, что мои отношения с Гуровым и Слепухиным в то время были очень натянутыми. Они оба были самоучками, и это сразу выдавало их... На интеллигентном языке говорить с ними было бесполезно. «Что, пьяные песни базлать?! Нас же публика освистает!» — это самое вежливое, что я вспомнил в их возражении. В конце концов их убедил, что с битловскими песенками нам не видать общественного признания, как своих ушей!

... Конкурс проходил во Дворце спорта «Юность» в присутствии почти пяти тысяч зрителей! На такой аудитории мы выступали впервые. Несмотря на то, что нас объявили, как ВИА ДК ЖД — основная масса, конечно же, нас узнала. Меня бил страшный мандраж: ежели я провалюсь с фольклором — не жить мне больше!...

... После оглушительных оваций, а вызывали нас на поклон 3 раза, за кулисами я поймал взгляд моих оппонентов удивительно уважительного оттенка. Это была моя первая победа, главным образом — моральная!

